

ПЛЕЧОМ К ПЛЕЧУ СО СВОИМИ ГЕРОЯМИ

ПИСАТЬ о войне мне пришлось почти тотчас же, как только радио известило народ страны и весь мир о разбойничьем нападении гитлеровцев на СССР. Я получил первое военное задание: написать о том, как встретила грозную весть наша столица, как провела она первый день начавшейся великой войны. И наутро в «Правде» был напечатан очерк «Москва 22 июня!».

Поздно ночью мы возвращались из редакции «Правды» вдвоем с А. А. Фадеевым, шли пешком по мол-

чаливой, безлюдной, уже полностью затемненной и посуровевшей Москве. Шли молча, лишь изредка обмениваясь короткими и почему-то очень тихо произносимыми фразами. Говорили о трудной и ответственной поре, наступившей в жизни народа.

...Потом пошли дни срочно-го выполнения заданий московских газет, работы во Всесоюзном радиокомитете, куда меня прикрепили вместе с пламенным певцом Москвы — поэтом Виктором Гусевым... Помню стояние на крышах под качающимся, рокочущим куполом ночного московского неба, где скрещивались лучи прожекторов, рвались снаряды зениток и ноющим, как нарыв, восем выдвигали себя фашистские бомбардировщики. Очень хотелось поскорей самому оказаться там, на фронте.

— Не спеши, Лев, — говорил мне Аркадий Гайдар, на денек вернувшийся с фронта на Украине, где он был военным корреспондентом «Комсомольской правды». — Погоди немного. Эта война надолго. Поверь мне. Я в таких делах разбираюсь. Дай сперва нам осмотреться, военным людям. Мы попривычнее, оглядимся, что и как.

Да, он был поопытнее многих из нас, подлинный солдат революции, еще мальчишкой вступивший в боевой строй ее с оружием в руках. Недаром помнил Гайдар всю жизнь священную для него цифру: 302939. То был номер его первой винтовки, которую он принял в свои руки еще школьником, подростком, чтобы защищать революцию от врагов. Он был так молод, что ему пришлось скрыть свой истинный возраст, когда пошел он добровольцем в Красную Армию.

В шестнадцать лет он уже командовал полком, сражался на многих фронтах гражданской войны. И лишь тяжелая контузия вынудила его уйти из рядов армии. Но он всю жизнь гордился тем, что первым его литературным редактором стал прославленный революционный полководец Михаил Васильевич Фрунзе, который, получив отчаянное письмо молодого демобилизованного командира, первым угадал талант будущего писателя.

Пришла затем пора и мне, как и многим другим писателям, оказаться в числе военных корреспондентов. И сколько раз, где-нибудь за Сухиничами на Западном фронте, или в кают-компании гвардейского миноносца Северного флота, или в блиндажах морской пехоты на Рыбачьем полуострове, где обрывался у заполярного моря самый северный фланг великого фронта, или на берегу форсируемого нашими войсками Днепра, расспрашивали меня молодые солдаты и командиры о Гайдаре...

Ведь долгое время мы ничего о нем не знали. Но Гайдар не остался «без вести пропавшим». Прошло некоторое время, и мы узнали, как погиб наш Гайдар. Как осенью 1941 года, вскоре после моего последнего разговора с ним, он в тылу у врага в остывшем лесу первым увидел фашистских автоматчиков в засаде и успел крикнуть, предупредить своих товарищей-партизан, шедших за ним. Он принял собственной грудью раскаленную струю пуль, но успел спасти боевых друзей от гибели. До конца жизни, до последнего гибельного мига ее, Аркадий Гайдар шел дорогой своих героев.